

На правах рукописи

Устинов Олег Александрович

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
(1917-1991 ГГ.): ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

5.7.2. – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Москва – 2022

Работа выполнена на общеуниверситетской кафедре философии и социальных наук Института гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Научный консультант: **Гогиберидзе Георгий Меджидович**
доктор педагогических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Корсаков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН

Колесниченко Юлия Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

Шibaева Михалина Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «22» декабря 2022 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета 72.2.007.05 на базе ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 125226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 125226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан «__» сентября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. В. Сахарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема человека занимает центральное место в отечественной философии. Все российские мыслители так и или иначе обращались к антропологическим сюжетам, и сложившийся в результате их исследований корпус знаний должен изучаться как самостоятельный и целостный феномен. Для решения этой задачи корректным и продуктивным является парадигмальный подход Т. Куна.

Под «антропологической парадигмой» в философии следует понимать совокупность теоретических, методологических и иных принципов и установок, принятых философами той или иной интеллектуальной ориентации в качестве общего стандарта постановки и решения проблем человека. Такими базовыми моделями являются в русской философии религиозно-философская и научно-философская парадигмы.

Религиозно-философский подход основывается на учении о человеке как творении Божиим и рассматривает проблемы свободы воли, духовности, творчества, назначения и смысла жизни сквозь призму христианской антропологии. Научно-философский подход сконцентрирован на понимании человека в соответствии с данными анатомии, физиологии и социологии как природного и социального существа, характеризующегося разумом и практически-деятельным отношением к миру.

В структуре парадигмы могут быть выделены ее основные элементы: проблемы антропологического идеала, соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, соотношения свободы и необходимости, свободы внешней и свободы внутренней, смысла жизни и связанные с ним вопросы этики, соотношения личности и общества. Изменение данных элементов в силу разных факторов вело к трансформации парадигмы.

Репрезентативным с точки зрения анализа сущности, структуры и развития двух указанных парадигм является советский период русской

философии как когнитивно насыщенный и наиболее показательный период их эволюции.

Актуальность темы исследования определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, опыт мировых войн, авторитарных и тоталитарных режимов, политических и социальных кризисов XX в. обуславливает запрос современного общества на гуманистическую философию, основанную на «благоговении перед жизнью», как философию XXI в.

Во-вторых, изучение «антропологического кода» русской философии с эксплицированием его в двух базовых традициях философствования с выяснением их основных черт, особенностей развития, а также характера сосуществования позволяет лучше понять своеобразие русской мысли, ее роль и значение в мировой философии.

В-третьих, анализ философско-антропологических теорий в советский период позволяет по-новому оценить феномен советской философии, который вопреки стереотипам определяется не только развитием официального материалистического взгляда на человека, но также и продолжавшимся в «подполье» развитием идеалистической антропологии.

В-четвертых, именно в советский период указанные модели прошли эволюцию от конфликта к диалогу и приблизились к осмыслению проблемы целостного знания, наработки в области которого могут помочь современной науке в определении задач ее перспективного развития.

Степень научной разработанности исследования. Источниковой базой исследования стали работы отечественных философов XX вв., рассматривавших проблемы человека. При этом предпочтение отдавалось текстам наиболее ярких адептов парадигм, анализ решений которых позволял выполнить релевантную реконструкцию основных антропологических моделей, отсеяв сочинения, которые не имели самостоятельного значения.

С целью изучения процессов формирования и эволюции антропологических парадигм в русской философии особое внимание было

уделено работам В.С. Соловьева и его последователей С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Е.Н. Трубецкого, К. Маркса и Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, А.В. Луначарского, А.А. Богданова, Л.Д. Троцкого и др.

В качестве основных трудов, определявших развитие философско-антропологических исследований в СССР, были избраны работы Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, С.Л. Рубинштейна, К.Э. Циолковского, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, Г.П. Щедровицкого, А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова, Я.С. Друскина, М.К. Мамардашвили, А.В. Меня, И.Т. Фролова и др.

Устойчивость употребления ряда концептов материалистического учения о человеке проверялась по текстам статей в журналах «Под знаменем марксизма» (с 1922 по 1944 гг.), «Вопросы философии» (с 1947 по 1991 г.) и учебным изданиям для вузов.

С учетом зависимости развития советской философии от партийной идеологии также использовались материалы пленумов и съездов ВКП (б) – КПСС 1920-1980-х гг.

Данная работа является первым систематическим опытом историко-философской реконструкции и анализа антропологических парадигм в русской философии советского периода, с выяснением их основных положений и особенностей эволюции, включая анализ процессов их формирования и генезиса. Дихотомия указанных подходов к проблеме человека в данный период ранее рассматривалась только на примере исследования творчества отдельно взятых мыслителей¹.

В изучении предформулировок парадигм большую роль сыграла монография Л.А. Черной², в которой рассмотрены представления о человеке в

¹ См. напр.: Антропологические матрицы XX века: Л.С. Выготский – П.А. Флоренский: несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. М.: Прогресс; Традиция, 2007. 666 с.

² Черная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.

русской культуре X-XVII вв. Отдельные проблемные блоки, связанные с процессами трансформации антропологических схем, были прояснены с помощью трудов В.М. Живова³, Д.С. Лихачева⁴ и др.

Реконструкция религиозно-философской парадигмы выполнялась с привлечением различных исследований, помогающих выявить и изучить ее идейные истоки, базовые положения, специфику развития. Среди них работы Г.В. Флоровского⁵, Я.В. Бондаревой⁶, В.А. Гуры⁷, Н.К. Бонецкой⁸ и др.

Формирование и эволюция философско-научной парадигмы исследовались с использованием работ, выполненных в советский и постсоветский периоды. Здесь следует отметить работы А.Г. Мысливченко⁹, К.Н. Любутина¹⁰, Б.В. Емельянова¹¹. В последние десятилетия серьезные

³ Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73-115.

⁴ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. 206 с.

⁵ Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Новый безбожник. 2001. № 1. С. 21-32.

Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

⁶ Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2017. № 1. С. 75-82.

⁷ Гура В.А. Проблема отношения русской религиозной философии к православию // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 4. С. 232-236.

⁸ Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 79-97.

⁹ Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания. М.: Мысль, 1972. 190 с.

¹⁰ Любутин К.Н. Формирование марксизма как идейной мировоззренческой науки // Мировоззренческая система марксизма-ленинизма: вопросы формирования и функционирования / Целищев Н.Н., Бурбулис Г.Э. и др. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.

¹¹ Емельянов Б.В. Г.В. Плеханов – философ-марксист // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 13-22.

успехи в изучении антропологической проблематики марксизма были сделаны в отечественных¹² и зарубежных работах¹³.

Широко представлены в отечественной науке исследования отдельных антропологических сюжетов в трудах советских философов, среди которых можно выделить работы А.В. Кривошеева¹⁴, С.Ф. Франц¹⁵, А.Г. Маслеева¹⁶, Е.Б. Рашковского¹⁷, А.Н. Авдеенкова¹⁸, Э.Ю. Соловьева¹⁹, В.Ю. Даренского²⁰ и др.

¹² Бузгалин А.В. В.И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). С. 256-290; Гусаковский М.А. К проблеме человека в философии Г. В. Плеханова // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). С. 49-71.

¹³ Андерсон К. Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). С. 415-431.

¹⁴ Кривошеев А.В. Философия поступка М.М. Бахтина как онтологический проект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.03. Томск, 2007. 27 с.

¹⁵ Франц С.В. Философские воззрения А.В. Луначарского: Истоки и эволюция. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.03. Екатеринбург, 1998. 196 с.

¹⁶ Маслеев А.Г. Антропологический смысл русского космизма: Монография. Екатеринбург: Изд-во УпГЮА, 2001. 208 с.

¹⁷ Рашковский Е.Б. Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека // Соловьевские исследования. 2013. Вып. № 2 (38). С. 146-174.

¹⁸ Авдеенков А.Н. «Некоторое равновесие с небольшой погрешностью»: экзистенциальная философия Я.С. Друскина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 3 (23). С. 65-74.

¹⁹ Соловьев Э.Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 174-202.

²⁰ Даренский В.Ю. Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева: «человек восходящий» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 135-140.

Наиболее значимыми с точки зрения изучения истории философской антропологии в СССР являются обобщающие работы А.В. Бондаря²¹, С.Б. Калинин²², Ю.В. Колесниченко²³, С.Н. Корсакова²⁴.

Заметный вклад в постижение специфики советской философии внесли В.А. Лекторский²⁵, С.Н. Мареев²⁶, В.Г. Горбачев²⁷ и др.

Объект исследования – русская философия советского периода (1917-1991 гг.).

Предмет исследования – антропологические парадигмы в русской философии советского периода.

Целью работы является историко-философская реконструкция и анализ антропологических парадигм в русской философии советского периода.

Гипотеза исследования. Если возможно верифицированное выявление и обоснование базовых парадигм русской философской антропологии, то их анализ позволит найти теоретико-методологический ключ к более глубокому пониманию и изучению «антропологического кода» в русской интеллектуальной традиции.

²¹ Бондарь А.В. Основные тенденции в развитии философской проблематики человековедения в СССР (1917-1930 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.03. Хабаровск, 1983. 155 с.

²² Калинин С.Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х гг.: А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 1994. 206 с.

²³ Колесниченко Ю.В. Проблемы бытия личности в русской философии 1920 - 1930-х годов. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.03. Москва, 2018. 338 с.

²⁴ Корсаков С.Н. Философская концепция комплексного исследования человека в творчестве И.Т. Фролова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.13. М., 2011. 45 с.

²⁵ Лекторский В.А. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 23-41.

²⁶ Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. 447 с.

²⁷ Горбачев В.Г. Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 33-39.

Цель, объект, предмет и гипотеза исследования определили следующие **задачи:**

реконструировать, раскрыть и охарактеризовать процесс формирования и развития основных решений проблемы человека в русской культуре X-XVIII вв.;

реконструировать, выявить и охарактеризовать структуру, содержание и особенности процесса формирования и эволюции религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии XIX – начала XX вв.;

реконструировать, определить и охарактеризовать структуру, содержание и особенности процесса формирования и эволюции философско-научной антропологической парадигмы в русской философии XIX – начала XX вв.;

реконструировать, выявить и охарактеризовать структуру, основные этапы, содержания и специфику развития процесса эволюции философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода;

реконструировать, раскрыть и охарактеризовать структуру, основные этапы, содержания и специфику развития процесса формирования религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода;

выявить и определить характер и особенности взаимодействия двух указанных парадигм.

Методологическую основу диссертационной работы составляет общефилософские методы и специальные методы историко-философского исследования, образующие комплексную программу.

Принципиальное значение имела **конкретизация и адаптация основных принципов и методов парадигмального подхода Т. Куна** к реконструкции и анализу антропологических парадигм в русской философии советского периода (метод «дисциплинарной матрицы», парадигмально-

генетический метод, парадигмально-исторический метод, парадигмально-перестроечный метод).

Метод «дисциплинарной матрицы» использовался для изучения структуры и компонентного состава каждой антропологической парадигмы как единой, взаимосвязанной теоретической системы.

Парадигмально-исторический и парадигмально-генетический методы позволили реконструировать процессы становления философско-антропологических моделей, выявить их основные закономерности и охарактеризовать их специфику.

Парадигмально-перестроечный метод дал возможность проследить этапы и сущностные черты эволюции основных моделей решения проблем человека в процессе их трансформации, а также обозначить точки их пересечения по линии допустимого взаимодополнения без отхода от присущих им базовых нормативно-теоретических и ценностных установок.

Изучение и анализ процессов разработки конкретных философско-антропологических сюжетов представителями обоих указанных направлений выполнялись при помощи **историко-генетического метода** с применением в необходимых случаях **герменевтического и логико-семантического методов** работы с текстами.

Парадигмальная идентификация и генезис рассматриваемых философско-антропологических теорий и идей, выявление сходств и отличий, а также заимствований тех или иных концептов между ними, исследовались на основе **метода источниковедения, метода моделирования, историко-типологического метода и компаративного метода.**

Специфика рассматриваемой темы также сделала необходимым использования в работе **историко-биографического и историко-культурного методов** с целью определения степени влияния на советскую философскую мысль политического и социокультурного контекста.

Хронологические рамки исследования. Работа охватывает весь советский период развития русской философии с 1917 по 1991 гг. Деление его

на отдельные этапы дублирует этапы политического развития советского государства, от динамики которого во многом зависели изменения в работе академического сообщества.

Научная новизна настоящего исследования выражается в:

- в **обосновании и применении** парадигмального подхода к системному историко-философскому анализу структуры, сущности, специфики и внутренней логики развития философско-антропологического знания в советский период.
- в **разработке и апробации** конкретной и целостной программы исследования, позволяющей анализировать и интерпретировать основные решения проблем человека в русской философии советского периода на новом теоретико-методологическом уровне.
- в **разработке и обосновании** гипотезы о более глубоком понимании и изучении «антропологического кода» в русской философии в целом с помощью парадигмального подхода.
- в **выявлении и анализе** основных решений проблемы человека в истории русской культуры X-начала XVIII вв., заложивших идейную основу формирования антропологических парадигм в русской философии.
- в **аналитической историко-философской реконструкции, изучении и характеристике** структуры, содержания и особенностей формирования религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии XIX – начала XX вв.
- в **аналитической историко-философской реконструкции, изучении и характеристике** структуры, основных этапов, содержания и специфики развития философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского

периода на широком источниковом материале с привлечением политического и социокультурного контекста.

- в **аналитической историко-философской реконструкции, изучении и характеристике** структуры, основных этапов, содержания и специфики развития религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода на широком источниковом материале с привлечением политического и социокультурного контекста.
- в **выявлении и анализе** характера и порядка изменения основных концептов, обуславливавшего эволюцию философско-антропологических парадигм в советский период как целостных историко-философских феноменов.
- в **выявлении и анализе** основных форм и особенностей взаимодействия адептов двух указанных парадигм от взаимного отрицания до появления предложений о необходимости диалога между ними с положительным удержанием в обоих случаях концептов, имеющих значение для всестороннего познания феномена человека.

Положения, выносимые на защиту:

1. Применение парадигмальной методологии Т. Куна к изучению философско-антропологических учений позволяет выделить в русской философии советского периода две базовые антропологические парадигмы – религиозно-философскую и философско-научную. Анализ структуры парадигмы может быть построен на выявлении и изучении составляющих основных элементов: проблемы антропологического идеала, проблемы соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, проблемы соотношения свободы и необходимости, а также соотношения свободы внешней и свободы внутренней, проблемы смысла жизни, проблемы соотношения личности и общества. На всех этапах развития

парадигма как рамочная конструкция сохраняла достаточную широту. Частное выражалось в парадигме через общее, не вступая с ним в кардинальное противоречие. Но изменение элементов парадигмы под воздействием внешних и внутренних факторов вело к ее эволюции как в частностях, так и в целом.

2. В русской культуре X–XVIII вв. доминантной являлась православная антропология, заимствованная из Византии в спиритуалистической версии. Человек рассматривался как созданная Богом духовная сущность, имеющая телесную оболочку и нацеленная на метафизическое преображение. В XVIII вв. в процессе модернизации России произошло усвоение рационального взгляда на человека как естественное существо. Религиозная трактовка была дополнена научной, возник концепт, альтернативный доминантному. В XIX – начала XX вв. два этих направления оформились в качестве парадигм. Первая парадигма основывалась на произошедшей в условиях кризиса официального православия неканонической реинтерпретации православной антропологии и выведения в ряде случаев человека на уровень «второго Абсолюта». Вторая закрепляла материалистический взгляд на человека как биосоциальное существо с опорой на открытия в сфере естествознания и их концептуальные обобщения в философии марксизма.

3. После революция 1917 г. и создания СССР философско-научная парадигма была официально институционализована и утверждена в качестве монополярной. В 1920-е гг. в центр марксистской антропологии, изложенной в виде взаимоисключающих экономико-детерминистской и субъективно-идеалистической теорий, было вынесено понимание человека как «живой машины», чье формирование и развитие определяется социальными факторами, которые могут и должны быть организованы с целью создания «нового человека». Также были закреплены идеи рассмотрения личности как социального объекта, отрицания безусловной ценности личности и самостоятельности ее роли в истории, унифицированной

жизненной стратегии, примата над личностью общества, партии, вождя. В конце 1920-середине 1930-х гг. благодаря усилиям ряда философов и психологов, оформилась тенденция к гуманизации марксизма, провозглашавшая человека главной целью общественного развития на основе аутентичной реконструкции антропологического идеала К. Маркса («бухаринская альтернатива»). Однако она не смогла реализоваться в связи с началом в СССР политических репрессий. В 1930-1940-е гг. востребованными оказались еще более вульгаризированные антропологические трактовки советского марксизма, обусловившие структурный кризис парадигмы.

4. В 1950-1960-е гг. была осуществлена актуализация философско-научной парадигмы. В условиях частичной демократизации советской системы новое поколение философов продолжило разработку гуманистической линии в советском марксизме, снова выполнив и более глубоко проработав философско-антропологические решения К. Маркса. Однако обновление парадигмы не приобрело радикального характера в силу продолжающих действовать идеологических установок, в официальном дискурсе новаторские концепты по-прежнему соседствовали с рядом вульгарных трактовок прошлого. Модернизация парадигмы с глубокими структурными изменениями в ее базовых концептах произошла только в 1980-е гг. в условиях «перестройки», когда философия марксизма была официально интерпретирована как философия человека и состоялся переход к корректному научному решению всего комплекса философско-антропологических вопросов, включая инициативу создания «единой науки о человеке», синтезирующей результаты социальных и естественных наук при комплементарной оценке и принятии к рассмотрению некоторых религиозно-философских идей. Однако распад СССР в 1991 г. обернулся крахом этого идейного движения, и многие его достижения были утрачены.

5. В 1920-1940-е гг. религиозно-философская парадигма оказалась в стадии политически обусловленной маргинализации. В условиях «запрета на идеализм» часть исследователей отошла в сторону богословия, считая

догматические положения христианства первичными по отношению к свободному исканию истины, и отказавшись от понимания человека как «второго Абсолюта». Другая часть признала относительную ценность философии марксизма и кооптировала ряд материалистических идей в решения философско-антропологических вопросов, прежде всего, в вопросе сотворения и природы человека, при имплицитным удержании в них метафизических смыслов. Начавшаяся в этот период разработка двух этих направлений будет определять динамику религиозно-философской парадигмы на протяжении всего советского периода, обозначив фактически новую фазу эволюции данной модели, принципиально отличающуюся по характеру и результатам решения антропологических проблем от ее состояния до 1917 г.

6. В 1970-1970-е гг. в связи с ослаблением идеологических ограничений религиозно-философская парадигма вошла в стадию латентной актуализации, характеризировавшуюся все более активной презентацией конкурентоспособности данной модели в решении проблем человека. Линия на сближение религиозной философии с православным или индо-буддийским богословием начала уступать линии на сближение религиозной философии с данными современных естественных и социальных наук. Предложенные сторонниками этого направления решения основывались на объединении сфер религии и науки в понимании человека как двух типов изучения одного и того же предмета с признанием за практически-деятельностной сферой бытия личности самостоятельного значения. Однако эта идейная линия фактически оказалась отодвинутой на периферию исследовательского поиска в 1980-е гг., когда после снятия идеологических запретов большинство адептов парадигмы выступили за возвращение в сферу богословия, где актуальной вновь стала критика материалистических трактовок человека. Религиозно-философская парадигма вступила в стадию инверсионной модернизации, характеризующуюся идеей фактического отказа от внесенных в структуру данной модели в советский период новационных и собственно философских элементов.

7. Изначально обе парадигмы разрабатывались как противоположные друг другу и характеризовались односторонностью. В XX в. их сосуществование и взаимодействие шло по трем основным направлениям: отказ от диалога с представителями противоположного «лагеря», мотивированный принципиально несовместимыми онтологическими подходами; интересом к альтернативным концепциям, сопровождавшимся признанием их научной релевантности и в некоторых случаях появлением «мыслителей фронтального типа» с обеих сторон; единичными предложениями о создании некой синтезированной антропологической парадигмы. Доминирующим на финальном этапе советской истории стала идея о необходимости диалога между адептами парадигм при взаимном отказе от их слияния как невозможности уравнивания религии и науки в познании феномена человека.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в разработке и апробации интегративной исследовательской программы, основанной на адаптации парадигмального подхода Т. Куна к истории русской философии советского периода. Данная программа позволила провести комплексный анализ религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в советской философии с историко-философской реконструкцией и изучением процессов их формирования, эволюции, характера и форм взаимодействия. Представленная работа вносит вклад в более глубокое и верифицированное изучение и осмысление «антропологического кода» в русской интеллектуальной традиции, позволяет перейти к анализу целого ряда общих и частных проблем развития отечественной философии не только в досоветский и советский, но и в постсоветский периоды. Основные выводы диссертации могут быть использованы для историко-философских исследований и разработки лекционных курсов, посвященных актуальным проблемам истории русской философии, философской антропологии, психологии и социально-политической мысли.

Апробация исследования. Основные положения и выводы работы были изложены в научных публикациях общим объемом около 50 п.л. Наиболее важные положения опубликованы в трех монографиях, 18 статьях в журналах из списка ВАК РФ.

Результаты работы были апробированы в деятельности Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени прот. А. Меня, отражены в докладах и выступлениях на конференциях по проблемам истории философии: в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (2017), в Дрогобычском государственном педагогическом университете имени Ивана Франко (2020), в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева (2021), в Липецком государственном педагогическом университете имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (2021, 2022), в Омском государственном педагогическом университете (2021), в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина (2021), в Дагестанском государственном университете народного хозяйства (2021), в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева (2022), на VIII Российском философском конгрессе «Философия в полицентричном мире» (2022).

Объем и структура работы. Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из десяти параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 343 страницы текста, из них 56 страниц содержат список используемой литературы, включающей 613 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются цель и задачи, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы.

В первом разделе **«Возникновение и развитие антропологических парадигм в русской культуре и философии X – начала XX вв.»**, состоящем из трех глав, рассматриваются идейные истоки, особенности становления, характерные черты и основные положения религиозно-философской и философско-научной антропологических моделей в российской философии.

В первом параграфе **«Основные решения проблемы человека в русской культуре X-XVIII вв.»**, исследуются вопросы, связанные с возникновением исследуемых парадигм на основе христианской антропологии, выступившей в качестве их «материнской» модели.

Автор констатирует, что первой сформировалась и заняла доминантное положение религиозно-философская парадигма, предформулировки которой присутствовали в культуре Древней Руси. После принятия православия антропологически-экзистенциальные мотивы славянского язычества регенерировались в христианской антропологии.

Древнерусские книжники (митрополиты Иларион, Климент Смолятич, игумен Феодосий Печерский и др.) рассматривали человека как Богосотворенную духовную сущность («ветхий Адам»), призванную к нравственному преображению по образцу Иисуса Христа – Сына Божьего («новый Адам»). Крестная смерть последнего ради искупления грехов человеческого рода потенциально даровало человеку бессмертие и сообщало ему статус автономного и самоценного субъекта бытия. Природа человека мыслилась как соотношение духа, души и тела при безусловном примате бессмертной души над тленной физической оболочкой. Душа являлась синонимом разума, речи, человеческой сущности как таковой. Ориентация на трансцендентный мир детерминировала понимание свободы как дарованного человеку Богом права и обязанности постоянно делать выбор между добром и злом, и тем самым решать вопрос о спасении или гибели души в небесном царстве. Соответственно и смыслом жизни провозглашалось преодоление земных соблазнов и трудностей с целью позитивного посмертного

существования. Самореализация личности вне зависимости от духовного роста рассматривалась как бесполезная и опасная.

Диссертант обращает внимание на то, что закрепление спиритуалистического понимания человека было связано с усвоением древнерусской мыслью мистико-аскетической версии христианской антропологии, адептами которой были монахи-просветители из Болгарии – провинции Византии (митрополиты Леонтий, Георгий, игумен Феодосий Грек и др.). Альтернативная ей версия христианской антропологии, распространенная в Византии и содержащая концепт античных естественно-научных идей, не получила в Древней Руси распространения.

Отмечается, что баланс интересов личности и общества был найден древнерусскими книжниками в восходящем к тринитарному догмату принципе интерперсонализма. Идея уникальности личности тесно увязывалась с ценностью коллектива по аналогии с евхаристической общиной, где происходит духовное развитие всех и каждого. Также и в государственном устройстве Древней Руси политическое право осуществлялось обществом, а князь рассматривался как представитель народа, ограниченный в своей деятельности юридическими и религиозными нормами, и в случае их неисполнения подлежащий делигитимации.

Показано, что философско-антропологические идеи Древней Руси подверглись в XIII-XVI вв. внешне и внутривнутриполитическим деструкциям (монголо-татарское иго, формирование абсолютной монархии и крепостного права). Однако их религиозно-мистическая основа сохранилась. Не исчезли полностью и ранее принятые социально-политические концепты. Так, несмотря на рост имплантированных в результате диффузии азиатской культуры теорий о царе как единственном и полновластном наместнике Бога на земле, идея самовластия человека была вновь актуализирована.

Анализируется зарождение философско-научной парадигмы в русской философии в середине XVII – начале XVIII вв., совпавшее с модернизацией страны, знакомством с европейской философией и рецепцией античной

культуры. В трудах представителей «киевской учености» (С. Полоцкий и др.) приоритет был отдан рационализированному типу мышления. Человек был признан гносеологическим и социальным субъектом, возможности которого зависят от образования и науки, а не духовных поисков. Также были закреплены идеи о самостоятельном значении телесного, необходимости «земной» самореализации, ценности гражданских и социальных прав личности. Именно в этот период, как выявляет диссертант, произошло формирование философско-антропологического концепта, альтернативного доминантной модели.

Во второй главе **«Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX вв.: особенности становления, характерные черты и основные положения»** исследуется феномен формирования и эволюции религиозно-философской модели.

Автор отмечает, что ее расцвет относится к середине-концу XIX в., когда кризис официального православия привел к возникновению такого феномена, как русская религиозная философия, идейными источниками которой были помимо патристики средневековая мистика, философия немецкого романтизма (шеллигианство), философия масонства и классическая немецкая философия, в разной степени закреплявших пересмотр понимания взаимоотношений Бога и человека. Данная ревизия стала главной смыслообразующей особенностью нового подхода и определила эволюцию устоявшихся ранее антропологических решений.

Основоположниками парадигмы следует считать Г.С. Сковороду, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, В.С. Соловьева, разработавших религиозно-философское понимание человека, принятое за основу С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским, С.Л. Франком и др.

Антропологическим идеалом считался человек как бессмертное Богочеловеческое существо, обладавшее целостностью («ветхий Адам»), утратившее его из-за грехопадения, но способное его восстановить посредством духовного развития («новый Адам»). При этом человек

рассматривался многими из них как максимально приближенный к Богу и даже как «второй Абсолют». Воплощением «нового человека» по-прежнему считался Иисус Христос, но дистанция между Ним и человеком существенно минимизировалась. Неслучайно в ряде случаев факт творения человека по образу и подобию Божию мыслился как достаточное условие для его «обожения», а выходу на новый метафизический уровень должно было способствовать приобщение к особой трансцендентной силе, осуществляющей связь земного и небесного (Софии Премудрости Божией). Задача спасения души не была снята, но существенно изменила свое значение, вступив в противоречие с православной догматикой.

Вопрос о соотношении духовного и телесного, как выявляет диссертант, решался через возвращение к максиме об онтологическом единстве духа и тела. В земной жизни тело рассматривалось как практически-деятельная форма существования души, в посмертном существовании как ее видоизмененная, энергичная форма. Признание психофизиологической составляющей в человеке как имеющей ценность подводило русских религиозных философов к задаче изучения самостоятельной роли сознания и открытия биосоциальной природы человека, но этого шага они не сделали.

Проблема свободы мыслилась через традиционное представление о свободе как дарованной свыше способности и обязанности самоопределения между добром и злом, но было дополнено идеей о праве «Богочеловека» на самостоятельное преобразование мира в совместной с Богом творческой деятельности после наступления «метаисторического эона». Свобода «второго Абсолюта» иногда трактовалась даже как неподконтрольная для «Абсолюта первого». Политическим и социальным аспектам свободы уделялось мало внимания в связи с признанием невозможности достижения личной и социальной гармонии на земном плане.

Проблема смысла жизни рассматривалась в контексте ориентации человека на вечные ценности – добро, любовь, истину, свободу, целомудрие с целью обретения им нового метафизического качества после смерти.

Удовлетворение потребностей отрицалось как невозможное априори в эмпирическом мире и лишь уводящее в дурную бесконечность гедонизма и перманентного недовольства собой. Идея самореализация личности в социальном пространстве проработана не была.

Соотношение личности и общества решалось в соответствии с принципом интерперсонализма («симфоническая личность»), устранявшим крайности индивидуалистского и коллективистского подходов. Однако вопрос о его практической реализации не поднимался. Избранные пассажи о царе как о богоданном правителе напоминали авторитарные тезисы XVI в. и вместе с резкой критикой демократии нивелировали идею интерперсонализма.

Таким образом, делает вывод автор, русские религиозные философы актуализировали гуманистическую направленность христианской антропологии, выделили как ключевые духовные, ценностно-смысловые приоритеты развития личности, но не уделили должного внимания естественнонаучным и социальным вопросам.

В третьем параграфе **«Философско-научная антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX вв.: специфика формирования, основные положения, эволюция»** исследуются процессы формирования и эволюции философско-научной модели.

Философско-научная парадигма, как показывает автор, сформировалась в середине-конце XIX в. на фоне успехов естествознания и распространения в России идей Просвещения, физиологического материализма, философии Г.Ф.В. Гегеля и Л. Фейербаха, политической экономии и утопического социализма. Определяющую роль в становлении парадигмы сыграли труды К. Маркса и Ф. Энгельса. В этот период русские мыслители обосновали понимание человека как естественного существа: сначала биологического, а затем по мере углубления рефлексии биосоциального. Данный переход послужил предпосылкой к началу рассмотрения всего комплекса антропологических вопросов в соответствии с принципами материализма.

Основоположниками парадигмы стали теоретики и популяризаторы марксизма – Г.В. Плеханов и В.И. Ленин, разработавшие новую схему решения философско-антропологических проблем.

В качестве антропологического идеала здесь предлагался «настоящий», «новый человек», победивший религиозное и экономическое рабство. Также, как и тезис о целостном человеке в первой парадигме, этот концепт выполнял роль признанного всеми системообразующего элемента и во второй модели. Однако, не сумев воспроизвести Марксов идеал целостного человека, русские марксисты не дали философского обоснования антропологического идеала, ограничившись идеологическими декларациями.

Представление о человеке как естественном существе защищалось с опорой на теорию антропогенеза Ч. Дарвина в ее социально-историческом изложении, данной классиками марксизма. Специальный акцент был сделан на изучении сознания как сугубо психофизиологического явления. Но засилье традиций вульгарного материализма обусловило примитивное изображение взаимосвязи сознания и мозга без глубокого анализа ее социальной составляющей, в связи с чем человек фактически изображался как «живая машина».

Проблема свободы воли рассматривалась в контексте реальной исторической практики, достижение свободы ставилось в зависимость от познания и преобразования объективной необходимости. Однако возможности преодоления необходимости трактовались с различных позиций. Одни фактически полностью отрицали свободу, утверждая приоритет экономических законов общества, а другие, напротив, провозглашали свободу неким абсолютным свойством мыслящей материи, объявляя экономические законы послушным материалом в ее руках.

Проблема смысла жизни решалась исключительно в практической плоскости. Но поскольку главным для человека считалось удовлетворение потребностей, построение экономики, ликвидирующей эксплуатацию, называлось главным условием достижения максимального комфорта и

счастья. В революционный же период смыслом жизни объявлялась жертвенная борьба за сознание нового строя. Идея К. Маркса о необходимости для человека самореализации как оптимальной формы гармонии с самим собой и обществом воспринята не была. Ввиду того, что коммунизм должен был решить все духовно-нравственные проблемы автоматически, вопросы морали и нравственности отдельно не рассматривались.

Соотношение личности и общества решалось с позиции социоцентризма: человек, являясь общественным существом, рассматривался как производная того или иного социального образования. Идея коллектива превалировала над идеей личности, что противоречило тезису К. Маркса о подлинной коллективности – союзе всесторонне развитых, самостоятельных и независимых личностей. Формально отдельно взятый человек не лишался прав и свобод, но их признание ставилось в зависимость от его готовности жить и работать в эгалитарном обществе, а идея диктатуры пролетариата оправдывала классовые и внутриклассовые репрессии.

Диссертант делает вывод о том, что появление новой парадигмы стало революционным событием для отечественной философии. Ее сторонники выполнили научный анализ проблем человеческой природы, свободы воли, смысла жизни, заложив тем самым основы для формирования и развития философской антропологии в СССР и в России. Однако они не смогли осуществить рецепцию Марксовых идей о самоценности человеческой личности, значении ее духовного и нравственного развития, и не были способны критически усвоить эти же идеи из идеалистической антропологии.

Таким образом, две парадигмы, имея общие идейные истоки, прошли в XVIII-XIX вв. точку бифуркации, разделившись в понимании феномена человека, но сохранили в трактовках односторонность, которая могла быть преодолена только в процессе конструктивного диалога между ними. Некоторые исследователи (А.И. Галич, Н.И. Кареев) высказывались за расширение представлений о человеке посредством аналитического восприятия тех или иных решений своих оппонентов, но это предложение не

было поддержано большинством. Антагонизм между идеалистами и материалистами носил в тот период радикальный характер.

Во второй главе **«Формирование и эволюция философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.)»**, состоящей из четырех параграфов, исследуются проблемы развития философско-научной модели с выявлением ее основных положений и особенностей, а также характера взаимодействия ее адептов с адептами альтернативной модели.

В первом разделе **«Становление философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1917-1929 гг.»** показано, что приход к власти в 1917 г. коммунистической партии привел к утверждению монополизма философско-научной модели на фоне делигитимации религиозно-философского подхода, адепты которого были репрессированы или скрылись в подполье. В 1920-е гг. философско-научную парадигма переживала этап «болезни роста» – неконтролируемого распространения вульгарных представлений о человеке вследствие непонимания Марксовой антропологии и давления идеологических доминант РКП (б).

Реконструкция эволюции философско-научной парадигмы в этот период позволила автору выявить, обосновать и проанализировать следующие ее положения и особенности.

Партийные теоретики 1920-х гг. (Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, Н.И. Бухарин, А.А. Богданов и др.) были приверженцами идей материализма XVIII-XIX вв. и рассматривали человека как разумного, активного субъекта, призванного к переустройству мира. Они ставили задачу формирования «нового человека», являющегося переходным типом по отношению к человеку коммунистической эпохи. В центре их антропотехники находился идеал «полезного обществу работника», на создание которого были нацелены как репрессивно-караательные, так и культурно-образовательные методы.

Взгляд партийных теоретиков на проблему человеческой сущности основывался на вульгарно-материалистических представлениях о человеке как о «животным, делающим орудия», продиктованным неадекватным пониманием идей К. Маркса о социальной сущности человека. Они либо абсолютизировали биологическое начало, коррекция которого должна была привести к быстрому сотворению «нового человека», либо чрезмерно преувеличивали роль социального начала, внедрение в которое также должно было привести к скорым антропотехническим результатам.

В вопросе соотношения свободы и необходимости сохранялась дихотомия экономико-детерминистского и скрытого субъективно-идеалистического подходов. В первом случае утверждалась прямая зависимость сознания и деятельности человека от типа экономики, во втором случае его сознание и воля ставились выше объективных факторов, объявленных в соответствии с лозунгами о «штурме реальности» пластичными. Промежуточная позиция между ними начала вызревать в середине-конце 1920-х гг. в результате попыток отдельных ученых (Н.И. Бухарин, Я.Э. Стэн и др.) реконструировать ленинский диалектический подход к политике. Систематизированных философско-антропологических выводов из ленинской диалектики на этом этапе сделано не было, но именно это направление исследований потенциально имело выход к аутентичной интерпретации Марксовой антропологии.

Смысл жизни партийные теоретики видели в счастливом, созидательном труде в коммунистическом обществе. В переходный период главной целью провозглашалась борьба с угнетением и эксплуатацией по примеру героев революции, установленная партией как обязательная и безальтернативная жизненная стратегия. Также с «главной целью» была связана замена морали как таковой «коммунистической моралью», допускавшей безнравственные действия во имя «светлого будущего». Проблема самоопределения личности была отодвинута в будущее.

Проблема соотношения личности и общества решалась в духе грубого социоцентризма. Партийные теоретики утверждали, что личность есть результат общественных отношений, и отрицали ее индивидуальность, представляя человека «деталью», не имеющей самостоятельной ценности. Идея диктатуры пролетариата на практике сводилась к диктатуре партии во главе с ее «вождями» над пролетариатом и остальными членами общества. Отдельные попытки защитить право индивида на автономию, хотя бы в личной жизни, не привели к коррекции взглядов большинства.

Во втором параграфе **«Кризис философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1930-1953 гг.»** отмечается, что к началу-середине 1930-х гг. внутри философско-научной парадигмы стала развиваться линия на ее усложнение и гуманизацию, связанная с усилиями «ищущих марксистов» (Н.И. Бухарин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.), обратившихся к изучению ранних работ К. Маркса, в которых ими была выделена идея о человеке как субъекте практики (т.н. «бухаринская альтернатива»). Однако формирование в СССР режима личной власти И.В. Сталина не позволило этой тенденции реализоваться. В конце 1930-х-1940-е гг. произошла искусственная негация Марксовой антропологии, в результате которой философско-научная парадигма оказалась законсервированной партийными философами (М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, В.Н. Ральцевич и др.) на уровне развития 1920-х гг.

Реконструкция эволюции философско-научной парадигмы в этот период позволила автору выявить, обосновать и проанализировать следующие ее положения и особенности.

Идеалом партийной антропотехники остался строитель социализма, «ударник производства», востребованный политикой индустриализации и объявленный реализованным типом «нового человека». Усилилось утилитарно-функциональное отношение к людям как материалу, не имеющего внеэкономической ценности и находящегося в полном распоряжении главы партии. Концепция Н.И. Бухарина, провозглашавшая антропологическим

идеалом всесторонне развитого, свободного, целостного человека в соответствии с идеями К. Маркса, была отвергнута.

В вопросе соотношения социального и биологического в сущности человека и в философии, и в биологии, и в психологии при формальном тиражировании Марксового определения человека как биосоциального существа господствовала вульгарно-материалистическую трактовка человека как социально функционирующего биологического существа, не отличающегося сложностью в осуществлении своей деятельности. Резонирующий с биоцентристским подходом субъектно-деятельностный подход к человеку, разработанной психологами-новаторами (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский и др.) был подавлен.

В вопросе соотношения свободы и необходимости экономико-детерминистский и скрытый субъективно-идеалистический подходы были сведены в парадоксальную единую теорию с доминированием в ней волюнтаристской компоненты. Провозглашение строительства в СССР социализма как «царство свободы» позволила партийным философам утверждать, что объективные законы развития уже познаны и подчинены, и «коллективный человек» под управлением партии и ее вождя уже стал полновластным субъектом истории. Альтернативные разработки проблемы роли личности в истории, закреплявшие за каждым членом общества право на творческий активизм, третировались как немарксистские.

Смысл жизни «нового человека» также определяла партия, императивно предписывавшая всем и каждому перманентное совершение трудовых и военных подвигов, борьбу с внутренними и внешними врагами. Этический нигилизм санкционировался партией, узурпировавшей право на экспертное определение того, что является полезным для строительства социализма, а что нет. Высказанные рядом «ищущих марксистов» идеи о праве человека на свободный выбор жизненного пути в соответствии с его талантами и потребностями не были поддержаны.

В вопросе соотношения личности и общества утвердился еще более радикализированный социоцентризм. Личность сводилась к пассивному и сугубо функциональному элементу общественной структуры. Коллективизм был интерпретирован как принцип безусловного подчинения коллективу, и далее – партии и ее вождю, который фактически выступал как единственная полноправная и полноценная личность. Попытки смягчить это понимание социоцентризма и, пусть немного, но выровнять соотношение между личностью и обществом, были пресечены.

В третьем параграфе **«Актуализация и гуманизация философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1950-1980-е гг.»** доказывается, что актуализация и интенсификация развития философско-научной модели произошла в СССР в 1950-1980-е гг. после осуждения культа личности И.В. Сталина, когда смягчение идеологического прессинга позволило новому поколению ученых продолжить разработку гуманистической проблематики в марксизме в духе «бухаринской альтернативы», устранить очевидные редукции Марксовой антропологии и приступить к формированию философской антропологии как науки при сохранении ряда устоявшихся идеологических трактовок.

Реконструкция и анализ эволюции философско-научной парадигмы в этот период позволила автору выявить и обосновать следующие ее положения и особенности.

Философы-новаторы (Э.В. Ильенков, Г.П. Щедровицкий, А.Н. Леонтьев и др.) реконструировали антропологические идеи К. Маркса, установив, что под «новым человеком» должен пониматься целостный, всесторонне развитый, свободный человек, реализующий себя в творческой деятельности. Внутри этого концепта был особо выделен социально-деятельностный аспект, акцентирующий развитие интеллекта, логики. Однако увидеть в каждом уникальную, самоценную личность со сложным внутренним миром даже в рамках расширенного и уточненного социально-функционального подхода почти никому из них не удалось.

Решая проблему соотношения социального и биологического с позиций Марксовой антропологии, философы-новаторы рассматривали биологическое как необходимую, но не самостоятельную предпосылку развития социального, а социальное, реализуемое через предметно-практическую деятельность, как суть человеческого. Серьезным шагом вперед стал выполненный ими анализ структуры, сущности и функций сознания и самосознания. Однако идеологически мотивированная переоценка социального в ущерб биологическому по-прежнему давала знать о себе, и человек продолжал позиционироваться как пластичный материал, в лепке которого нет биологических и социальных препятствий, которые не могла бы снять антропотехника.

Философы-новаторы восстановили аутентичное К. Марксу решение проблемы свободы и необходимости в истории, но оно продолжало сосуществовать с ее экономико-детерминистскими и волюнтаристскими трактовками. Им удалось заявить о недопустимости узурпации права на субъектность одним лицом и необходимости коллективного руководства, а также указать на значение внутри «коллективного субъекта» отдельного человека. Однако позиционирование партии как фактического субъекта истории не оспаривалось никем, за исключением маргинальной теории СМД-методологии Г.П. Щедровицкого.

Философы-новаторы реконструировали Марксово понимание смысла жизни, акцентировав идею о необходимости самореализации человека посредством раскрытия его талантов и способностей. Однако они не были в состоянии оспорить право партии определять и контролировать жизненную стратегию личности, вследствие чего концепт о самореализации остался декларативным. Не способствовало свободному самополаганию личности и утверждение о объективном происхождении морали из коллективного принципа организации общества. Отдельные разработки концепта духовности как сущностной квинтэссенции человеческого, за которым угадывался выход к идеям о ценности внутренней свободы, распространения не получили.

В решении вопроса о соотношении личности и общества была предпринята попытка отстоять с опорой на идеи К. Маркса идею о значении категории «личность» как равной категории «общество». Человек провозглашался ценностью для другого человека. Но идеи о классовом делении на «своих» и «чужих», о долге перед коллективом, о борьбе за социализм не утратили силу. Статус подлинной личности был передан от одного «вождя» коллективу «вождей», формально ответственных перед массами, но в реальности представляющих номенклатурную касту. Личность, пафосно провозглашаемая ценностью, по факту рассматривалась в массивной форме.

В четвертом параграфе **«Модернизация философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1985-1991 гг.»** автор констатирует, что процесс институционализации философско-научной парадигмы завершился в 1980-е гг. в условиях освобождения науки от идеологического контроля. Политика «перестройки» востребовала обоснование «поворота к человеку» во всех сферах развития общества, и рядом ведущих философов (И.Т. Фролов, Б.Т. Григорьян, П.С. Гуревич и др.) стала разрабатываться «синтетическая» антропологическая концепция, на основе классического марксизма, с привлечением ряда комплиментарных ему отдельных идей идеалистической антропологии.

Реконструкция и анализ эволюции философско-научной парадигмы в этот период позволила автору выявить и обосновать следующие ее положения и особенности.

В качестве антропологического идеала был заявлен переосмысленный антропологический идеал К. Маркса. Антропотехнический концепт «нового человека» был подвергнут критике как ненаучный и аморальный опыт формирования «человека-винтика». Приоритет в воспитании и образовании был отдан комплексной диагностике личности, направленной на выявление ее талантов и склонностей с целью их самоактуализации. Впервые в советской

истории в определении антропологического идеала над идеологическими стандартами возобладал научный гуманистический подход.

В решении проблемы биологического и социального советские философы воспроизвели аутентичное К. Марксу понимание человека как биосоциального существа, формирующегося и развивающегося в процессе предметно-практической деятельности. Биологизаторские и социологизаторские теории были разоблачены. Новацией стало выделение в человеческой сущности духовности (нравственности) как результата синтеза биологического и социального, понятого как видовой признак «человека разумного» наравне с интеллектом. Отождествление духовности с человечностью послужило причиной кооптации советскими философами некоторых идей идеалистической антропологии при сохранявшемся отказе от религиозных воззрений о душе и духе.

В соотношении свободы и необходимости советские философы воспроизвели аутентичное К. Марксу решение проблемы, сделав акцент на недопустимости переадресации права на творческую субъективность от отдельного человека к партийно-государственным образованиям. Человеку как таковому был возвращен онтологический статус самостоятельного субъекта истории. К анализу свободы внешней был присоединен анализ свободы внутренней как особо ценной для развития личности сферы ее само детерминации. При этом базовым элементом свободы во всех ее проявлениях называлась ее обязательная соотнесенность с нравственной ответственностью за действия и их результаты.

В решении проблемы смысла жизни было закреплено представление о человеке как творце и хранителе бытия, призванного к созиданию подлинно человеческой культуры, благоговению перед жизнью. Нравственность оценивалась советскими философами как имманентное человеческой природе качество, деформируемое социально-экономическими условиями, но существующее в своей основе непреложно. Отождествляя понятия смысла жизни и счастья, советские философы обращались к идее К. Маркса о

необходимой для человека самореализации в свободной и творческой деятельности, и настаивали на ограничении роли государства в данном процессе только вспомогательными функциями.

В решении вопроса о соотношении личности и общества советские философы отстаивали точку зрения на личность как высшую ценность социального развития вне ее социального и классового происхождения. В качестве механизма гармонизации интересов личности и общества рассматривалась демократическая политическая система, мыслимая как неотделимая от нравственной ответственности одного человека перед другим и обществом в целом. Критика примитивных трактовок индивидуализма и коллективизма была дополнена утверждением о тождестве развитого индивидуализма и развитого коллективизма. Заимствовались и отдельные элементы идеалистической антропологии.

После распада СССР, делает вывод автор, парадигма утратила концептуальное единство, традиционную теоретико-методологическую базу, перспективные разработки, продолжив развитие в условиях плюралистического, но часто поверхностного определения сути «дисциплинарной матрицы». Многие достижения этого периода были утрачены, не отрефлексированы в полном объеме, но в случае их восстановления могут стать теоретико-методологической базой философско-антропологических исследований будущего.

В третьей главе **«Эволюция религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.)»**, состоящей из трех параграфов, исследуются процессы развития религиозно-философской модели с выявлением ее основных положений и особенностей, а также характера взаимодействия ее адептов с адептами альтернативной модели.

В первом разделе **«Маргинализация религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1917-1956 гг.»** автор обосновывает мысль о том, что в истории религиозно-

философской парадигмы советский период имел особое значение для ее эволюции. Вопреки представлению об отсутствии в СССР немарксистской философии идеалистическая антропология была табуирована, но не исчезла, и ее развитие было отмечено как тенденцией возврата к православному богословию (А.Ф. Лосев, А.А. Мейер и др.), так и попытками синтеза с материалистическими учениями о человеке (М.М. Рубинштейн, К.Э. Циолковский, М.М. Бахтин и др.).

Реконструкция и анализ эволюции религиозно-философской парадигмы в этот период позволила автору выявить и обосновать следующие ее положения и особенности.

Антропологическим идеалом философов-немарксистов при всех различиях их подходов оставался человек, сотворенный свыше как духовное существо (микрокосм), наделенный потенцией максимально возможной близости к Творцу (макрокосм) в процессе духовного развития. Но идея «второго Абсолюта» была ими не востребована или исключена. Утверждалось, что человек может возвыситься до Творца по благодати, но не по своей природе. Идея Софии также реинтерпретировалась в православном ключе. Исследователи, предпочитающие публично не идентифицировать свои воззрения, интерпретировали человека просто как творческое существо, становящееся символически бессмертным в культуре.

Человеческую природу философы-немарксисты традиционно рассматривали через призму различия в ней тела и души как руководящей его основы. Но сама душа трактовалась либо богословски как образ и подобие Божие, либо с научной точки зрения как некое идеальное начало, ассоциируемое с сознанием, комбинацией «идеальных атомов». Проблемой соотношения социального и биологического они глубоко не интересовались, но в некоторых случаях заимствовали отдельные элементы марксистского подхода к природе человека. Данное обстоятельство существенно усложняло и дополняло позицию по этому вопросу философов-идеалистов до 1917 г.

В понимании свободы философы-немарксисты в целом защищали ее стандартную религиозно-философскую трактовку как метафизического свойства личности, обуславливающего возможность ее духовной эволюции через автономный выбор той или иной линии поведения. Дискуссию о свободе как познании и преодолении объективных законов они считали бессмысленной по причине недостижимости абсолютной свободы на земном плане. Однако они подробно останавливались на идее внутренней свободы личности как гарантии ее независимости от насильственных влияний извне, и закрепляли правосубъектность за отдельно взятым человеком без переадресации его социальным и политическим образованиям.

В качестве смысла жизни указывалось предзаданное человеку свыше раскрытие им своей сверхприродной самости и приближения к Творцу посредством творчества, акцентированного в совершенствовании себя, других людей и всего мира посредством деятельной любви. В ряде случаев творчество понималось вне артикуляции его связи с метафизическими целями при их латентном удержании. Главным критерием данного процесса была его соответствие этическим нормам, имеющим метафизическое основание. Материалистические трактовки смысла жизни отвергались как несостоятельные. Но звучали и отдельные высказывания в защиту социальной самореализации личности.

Противоречия в соотношении личности и общества снимались философами-немарксистами актуализацией идеи интерперсонализма: абсолютная ценность каждого человека как богосотворенного субъекта автоматически предполагала абсолютную ценность другого, и делала невозможным согласие с такими искаженными формами социальности, как индивидуализм и коллективизм. Недостатком данной теории оставалось отсутствие указаний на механизм его конкретной реализации, за исключением литургической, просветительской деятельности и внутреннего нравственного самостояния.

Во втором параграфе «**Латентная актуализация религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1956-1985 гг.**» делается вывод о том, что в годы «оттепели» религиозно-философская парадигма обрела новый импульс развития, поддержанный как старыми, так и новыми ее адептами (А.В. Мень, Е.Л. Шифферс, Я.С. Друскин, Б.Д. Дандарон и др.). Парадигма также приобрела популярность и у части марксистски ориентированных ученых (Г.С. Батищев, М.К. Мамардашвили и др.) как более конкурентоспособная научная модель. Результатом этого процесса стало негласное сосуществование «дисциплинарных матриц».

Реконструкция и анализ эволюции религиозно-философской парадигмы в этот период позволила автору выявить и обосновать следующие ее положения и особенности.

Антропологическим идеалом философов-немарксистов при той или иной концептуальной специфике в диапазоне от православного христианства и индуистско-буддийских доктрин до арелигиозного научного анализа с имплицитным удержанием религиозных смыслов являлся «человек вертикальный» как человек, находящийся в стадии открытия, принятия и актуализации своей Богосотворенной духовной самости, вне которой адекватное становление личности невозможно. Не останавливаясь на подробном описании антропологического идеала, они сосредотачивались на проблеме осознания человеком его глубинной связи с Богом (Универсумом), отвергая в целом идею «второго Абсолюта».

В вопросе о человеческой природе философы-немарксисты воспроизводили ее понимание как единство духа и тела, имеющих ноуменальное значение. Новацией было включение в классическую трактовку элементов марксистского анализа соотношения социального и биологического при интерпретации социального как сверхприродного. Причиной формирования у человека таких его качеств, как сознание, речь, свобода воли,

стремление к творчеству, социальность считался дух как метафизическое начало, взаимодействующее с душой (психикой) и телом.

Свобода рассматривалась философами-немарксистами в соответствии с религиозно-философской схемой как онтологическое свойство человека, свидетельствующее о его равнообразности Богу, но ее назначение в эмпирическом мире трактовалось различно. Если одни исходили из того, что свобода подтверждает «царское достоинство» человека, делая его сотворцом бытия через осознанный выбор между добром и злом в пользу добра, то другие полагали, что этот выбор для человека, подверженного греху, крайне затруднительным и призывали отказаться от свободы как таковой. В приложении к социально-политическим вопросам это отношение к свободе вело либо к защите идеи внешней и внутренней свободы личности и необходимости борьбы за демократию, что было шагом вперед по сравнению с позицией по этому вопросу философов-идеалистов до 1917 г., либо заменой ее послушанием монархической власти с медиумом или группой медиумов во главе.

В решении проблемы смысла жизни специфику точек зрения на цель и назначение жизни определяли интерпретации сути и формы приближения человека к Творцу. Таковые виделись и как совершенствование духовно-нравственных качеств, и как развитие мистических, когнитивных, творческих способностей или их всех вместе взятых. Новацией было синтезирование в данном вопросе религиозно-философских идей с элементами философско-научного подхода, проявившегося в признании земного бытия как самоценного этапа жизни, в котором особое значение имеет социальная самореализация личности. Данное обстоятельство существенно усложняло и дополняло позицию по этому вопросу философов-идеалистов до 1917 г.

Проблема личности и общества решалась философами-немарксистами традиционно через принцип интерпсонализма как позволяющий избежать крайностей - индивидуализма и коллективизма, порожденных неадекватным пониманием человеческой сущности. Однако от призыва к всеобщей

христианской любви был сделан шаг к поиску социально-политических механизмов обеспечения прав и свобод граждан, что также существенно корректировало отношение философов-немарксистов к данному вопросу в предшествующий период.

В третьем параграфе **«Инверсионная модернизация религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода в 1985-1991 гг.»** автор делает вывод о том, что легализация и определенная религитимация религиозно-философской парадигмы произошла в годы «перестройки». Однако в условиях свободы большая часть исследователей (С.С. Аверинцев, Т.М. Горичева, В.В. Бибихин, С.С. Хоружий, Г.С. Померанц и др.) начала осуществлять реинтерпретацию парадигмы по схемам до 1917 г. и отказались от большинства наработок в области «синтеза» парадигм.

Реконструкция и анализ эволюции религиозно-философской парадигмы в этот период позволила автору выявить и обосновать следующие ее положения и особенности.

В вопросе антропологического идеала практически все философы-немарксисты, включая сторонников восточной философии и мистики, воспроизводили антропологический идеал христианства, построенный на противопоставлении «ветхого Адама» и «нового Адама» с указанием на необходимости перехода от одного к другому в процессе духовного совершенствования. Трактовка человека как «второго Абсолюта» категорически отвергалась большинством, за исключением адептов рерихианства, рассматривающих человека как энергетическое существо, способное к восхождению на божественный уровень.

В вопросе о человеческой природе философы-немарксисты отстаивали традиционное для христианской антропологии соотношение души и тела, артикулируя единство двух начал человеческого естества как неотделимых друг от друга и равно подлежащих обожению при сохранении отношения к телу как подверженного греху. Возвеличивание души в ущерб телу они

критиковали за несоответствие православному богословию. Соотношение биологического и социального в человеческой сущности осталось за рамками их анализа, линия на синтез данных религии и науки продолжена здесь не была.

В феномене свободы философы-немарксисты выделяли два измерения: онтологическая свобода, являющаяся Божьим даром-испытанием, с помощью которого человек определяет свою метафизическую судьбу в процессе выбора между добром и злом, и социальная свобода, предполагающая ответственность человека за оптимально возможное на земле социальное мироустройство. Однако в трактовке внутренней свободы наравне с признанием ее ценности появился и латентно негативистский тон, обусловленный рассуждениями о необходимости следования церковным догмам и подчинения духовным наставникам как ретрансляторам Божьей воли.

Проблема смысла жизни рассматривалась философами-немарксистами традиционно в контексте духовного приближения человека к Творцу как исполнение Его метафизического задания. Но в большинстве случаев этому процессу не уделялось внимание, а идея о необходимости личностной и социальной самореализации на земле как органически вытекающей из человеческой природы не воспроизводилась, в чем еще раз проявилось невнимание к наработкам философов-немарксистов предшествующего периода.

Решением проблемы соотношения личности и общества философы-немарксисты традиционно считали идеал интерперсонализма. Но инициатива создания этой гармонии имплицитно уже передавалась некоторыми из них с уровня личности на уровень духовной иерархии, что сообщало данному подходу отсвет религиозного авторитаризма, сменяющего авторитаризм политический при их общем формальном осуждении. Неслучайно коллективизму как искаженной форме интерперсонализма отдавалось предпочтение перед индивидуализмом как ее агрессивному и откровенному

отрицанию, а признание ценности личности ставилось в зависимости от принятия ею религиозной самоидентификации и модели поведения.

В контексте исследования автором выявляются и анализируются особенности взаимодействия адептов двух парадигм. Делается вывод о том, что в XX в. произошел переход от «войны» к диалогу между сторонниками различных антропологических подходов, проходившим в следующих формах.

Первая форма предполагала последовательное непризнание идей оппонентов, характерное для наиболее консервативной части ученых обоих лагерей. Она сохранялась на протяжении всего XX в. и мотивировалась невозможностью диалога в виду принципиального непонимания противоположной стороной реальных принципов организации бытия мира, общества и человека.

Вторая форма характеризовалась нарастающим интересом исследователей, осознавшим односторонности их моделей, к альтернативным решениям. Так, философы-идеалисты видели недостаток своей концепции в излишней оторванности религиозной философии от науки и как следствие, в ее неспособности всесторонне объяснить многие явления, прежде всего, природу человека, устройство общества. Философы-материалисты позднее, но также пришли к мысли о том, что излагаемая ими теория обнаруживает дефицит в анализе проблем духовности, ценности личности, пример которого может быть почерпнут в идеалистической антропологии. Однако для этой формы главным было усвоение тех или иных идей лишь в том случае, если они не затрагивали существа базовых положений парадигмы и логически не требовали их пересмотра.

Третья форма основывалась на декларировании исходной близости науки и религии, которые, пройдя через стадию взаимоотталкивания, должны в отдаленной перспективе синтезироваться в некоей общей теории человека как сложнейшего феномена, тайна которого остается пока еще неразгаданной. Эта форма имела наименьшее количество сторонников в академическом сообществе, являясь фактически частным вариантом второй формы.

Неслучайно группа мыслителей «промежуточного типа» из числа философов-материалистов, увлекшихся идеалистической антропологией, в итоге явно или скрыто перешла на позиции религиозно-философского анализа.

Автор обращает отдельное внимание на то, что диалог парадигм был оборван событиями 1991 г. Однако несомненным достижением этого периода стало формирование взаимного уважения адептов разных парадигмальных моделей к взглядам друг друга. Был создан фундамент для стратегического планирования научных исследований проблем человека в будущем.

В **заключении** диссертации автором подводятся итоги работы, и указываются направления ее дальнейшего изучения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

I. Монографии.

1. Устинов О.А. Марксистская антропологическая парадигма в советской философии XX века: «бухаринская альтернатива». М.: Ким Л.А., 2017. 213 с. (7 п.л.)
2. Устинов О.А. Антропологические парадигмы в русской культуре и философии X - начала XX веков: историко-философский анализ. М.: Триумф, 2022. 148 с. (7 п.л.)
3. Устинов О.А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.): историко-философский анализ. М.: Триумф, 2022. 350 с. (16 п.л.)

II. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. Устинов О.А. Рецепция марксистской концепции человека в работах теоретиков II Интернационала // Вестник Тверского

- государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 217-221. (0,4 п.л.)
2. Устинов О.А. Философско-антропологические идеи Г.В. Плеханова в контексте развития марксистской философии в России в конце XIX - начале XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 121-125. (0,4 п.л.)
 3. Устинов О.А. Ф. Энгельс о проблеме человека: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 183-187. (0,4 п.л.)
 4. Устинов О.А. Развитие марксистской концепции человека в работах В. И. Ленина: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 144-149. (0,4 п.л.)
 5. Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). С. 14-21. (0,8 п.л.)
 6. Устинов О.А. СМД-методология Г.П. Щедровицкого и советская философско-антропологическая мысль 60–80-х годов XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 150–162. (1 п.л.)
 7. Бондарева Я.В., Устинов О.А. Проблема человека в русской духовной культуре XII-XVII веков: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 112-127. (0,3 / 0,7 п.л.)
 8. Бондарева Я.В., Устинов О.А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX - начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159-171. (0,3 / 0,7 п.л.)

9. Устинов О.А. Философско-антропологический проект Г.П. Щедровицкого: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 507-519. (1 п.л.)
10. Устинов О.А. Формирование философско-научной антропологической парадигмы в русской философии конца XVIII-XIX вв.: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 120-133. (1 п.л.)
11. Устинов О.А. Философско-научная антропологическая парадигма в русской философии XIX - начала XX в.: историко-философский анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 126-133. (0,5 п.л.)
12. Устинов О.А. Кризис философско-научной парадигмы в советской философии в 1930–1940-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 159 -170. (1 п.л.)
13. Устинов О.А. Становление философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 139-147. (0,5 п.л.)
14. Устинов О.А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в советской философии в 50-80-е годы XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 4. С. 166-177. (1 п.л.)

15. Устинов О.А. Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 492-503. (1 п.л.)
16. Устинов О.А. Синтезированный подход к исследованию проблем человека в советской философии в 1980-е гг.: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 63-72. (1 п.л.)
17. Устинов О.А. Эволюция религиозно-философской парадигмы в советской философии в 20-40-е годы XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 137-149. (1 п.л.)
18. Устинов О.А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии советского периода // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2 (42). С. 6-19 (1 п.л.)

III. Статьи в других научных изданиях.

1. Устинов О.А. «Бухаринская альтернатива». Философско-антропологические доминанты в «Тюремных рукописях» Н.И. Бухарина // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2016. № 4. С. 97-104. (0,7 п.л.)
2. Устинов О.А. Парадигмы базовых моделей образовательного процесса: философско-методологический аспект // Молодой исследователь: вызовы, поиски и перспективы развития российского образования. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. 2017. С. 266-282. (0,5 п.л.)

3. Бондарева Я.В., Бузук Г.Л., Семаева И.И., Устинов О.А. Использование системно-мыследеятельностной методологии при реализации стратегии развития воспитания в Российской Федерации // Непрерывное педагогическое образование в контексте инновационных проектов общественного развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С.Ю. Новоселовой. 2017. С. 1586-1590. (0, 25 п.л.)
4. Устинов О.А. Развитие религиозно-философской антропологической парадигмы в советской философии 1985-1991 годов: историко-философский анализ // Философские науки. 2020. Т. 63. № 8. С. 126-142. (1 п.л.)
5. Устинов О.А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии XIX-XX вв. // Гуманізм. Людина. Камо грядеши?: Матеріали XXX-х Міжнародних людинознавчих філософських читань (Дрогобич, 2020 р.) / Ред. колегія: В.С. Возняк, В.В. Лімонченко, М.С. Галушак. Дрогобич: Редакційно-видавничий відділ ДДПУ імені Івана Франка, 2020. С. 158-161. (0, 25 п.л.)
6. Устинов О.А. Идея «второго Абсолюта» и религиозно-философские искания С.Н. Булгакова // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию Фёдора Михайловича Достоевского и 150-летию Сергея Николаевича Булгакова / Отв. ред. И.В. Демин. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2021. С. 221-226. (0, 25 п.л.)
7. Устинов О.А. Научно-философская антропологическая парадигма в русской философии советского периода (1917-1991 гг.) // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы X Всероссийской научно-

- практической конференции (22-23 октября 2021 года, г. Липецк). Сборник научных трудов. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 133-136. (0, 25 п.л.)
8. Устинов О.А. Этико-антропологические воззрения советских философов периода «оттепели»: историко-философский анализ // Этика и история философии: материалы Третьей Международной научно-практической конференции. 12 ноября 2021 года / Отв. ред.: Н.В. Медведев, А.Н. Алленов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 85-88. (0, 25 п.л.)
 9. Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии советского периода (1917–1991) // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы III Всероссийской научной конференции (Омск, 11 ноября 2021 года) / Отв. ред. И.П. Геращенко. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 369-370 (0, 25 п.л.)
 10. Устинов О.А. Философские и психологические аспекты антропотехники в СССР // Проблемы гуманитарного образования в аспекте новых научных парадигм. Сборник материалов IV Всероссийской дистанционной научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала: Алеф, 2021. С. 290-293. (0,25 п.л.)
 11. Устинов О.А. Субъектность личности: историко-философские аспекты проблемы в русской культуре XVII - начала XVIII в. // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 14-15 апреля 2022 г. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 67-69. (0,25 п.л.)